

многом новую концепцию творчества поэта. Целый ряд ее положений, бесспорно, будет учитываться теми, кто в дальнейшем обратится к изучению русского классицизма.

Если до сих пор в научной литературе при объяснении политической и эстетической позиций Сумарокова указывалось на рационалистическую — в картезианском духе — природу его мировоззрения, то, по мнению П. Н. Беркова, «по своим философским воззрениям Сумароков был очень близок к сенсуалистам. В статье „О разумении человеческом по мнению Локка“ он сочувственно излагает доводы английского философа против учения о врожденных идеях» (стр. 11). Далее П. Н. Берков считает, что «на основе эклектического соединения во взглядах Сумарокова элементов сенсуализма и рационализма сформулировались его политические и социальные убеждения» (стр. 13). Мысль эта представляется весьма плодотворной. Хотелось бы, однако, найти в статье ее развитие применительно к эстетической позиции Сумарокова. Интересно было найти в статье и объяснение таких философских статей Сумарокова, как «К худу или к добру человек рождается». Творчество Сумарокова подробно раскрыто в статье П. Н. Беркова. Во многих отношениях писатель предстает перед нами в новом свете.

Известные возражения может вызвать лишь определение в статье смысла идейной эволюции Сумарокова. Справедливо отметив, что в творчестве Сумарокова быстро «растут черты критицизма по отношению к придворному дворянскому кругу, к заносчивому и наглому „вельможеству“» (стр. 20), П. Н. Берков делает вывод, что Сумароков сначала «был поэтическим выразителем всего „дворянского корпуса“ в целом, был литературным идеологом всего правящего класса» (стр. 19), а «кончает Сумароков как поэт, хотя и дворянский, но при всех внешних выражениях своей верноподданности, явно враждебно настроенный по отношению к Екатерине II» (стр. 20).

Вопрос этот, как нам кажется, нуждается в уточнении. Середина XVIII века в России дает необычайно яркую картину переплетения различных группировок господствующего класса, отражавшего и столкновение политических течений, и просто беспринципную борьбу за власть. Успешно роль дворянской идеологии могла выполнить лишь такая система теоретических представлений, которая бы наиболее последовательно, гибко и умело могла представить господство дворянства как класса в «очищенном», облагороженном облике. Такая система идей, хотя и возникала в среде одной группы — передового, либерального дворянства, являлась идеологией класса в целом, ибо только она могла теоретически оправдать практическое господство по-